

Особь и общество въ животномъ мірѣ.

I.

Вопросъ вида въ человѣческомъ родѣ.—Потеря индивидуальности въ колоніяхъ низшихъ организмовъ.—Миксомицеты и сифонофоры.—Индивидуальность у сложныхъ асцидій.—Прогрессъ въ развитіи особей, живущихъ въ обществѣ.

Эта часть нашей книги должна служить отвѣтомъ на то возраженіе противъ «Этюдовъ о природѣ человѣка», которое упрекаетъ меня въ игнорированіи интересовъ вида въ человѣческой жизни. Мои критики находятъ, что я слишкомъ исключительно занялся личностью и упустилъ изъ виду то основное положеніе, что въ общемъ ходѣ развитія индивидуумъ долженъ ступенчатъ въ виду высшихъ интересовъ общества. Мнѣ ставятъ въ упрекъ, что, проповѣдуя ортобіозъ, т.-е. наиболѣе полный циклъ человѣческой жизни, долженствующій повести къ глубокой старости, я восхваляю поведеніе, которое можетъ повредить человѣчеству въ цѣломъ.

Указанное возраженіе основывается на недоразумѣніи, которое слѣдуетъ выяснить. Я думаю, что полное развитіе индивидуума должно не только не повредить обществу, но, наоборотъ, принести ему большую пользу. Съ другой же стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и индивидуумъ имѣетъ свои права, которыя не должны быть нарушаемы.

Оспаривая мое мнѣніе, критики ссылаются на многочисленные факты, доказывающіе, что въ мірѣ животныхъ и растений индивидуумъ постоянно приносится въ жертву на пользу вида. Относительно этого сомнѣній быть не можетъ. Въ прежнихъ частяхъ этой книги было сообщено достаточно фактовъ въ доказательство этого положенія. Мы упомянули растенія, какъ агава и нѣкоторыя споровыя, которыя умираютъ тотчасъ же послѣ того, какъ они размножились.

Мы ссылались также на самокъ круглыхъ червей, безжалостно поѣдаемыхъ ихъ потомствомъ. Трудно найти болѣе краснорѣчивые

примѣры принесенія въ жертву особи на пользу вида. Но это правило не приложимо къ человѣку, который занимаетъ въ этомъ отношеніи совершенно особое мѣсто.

Человѣкъ уже пережилъ нѣсколько видовъ животныхъ. Онъ сильно содѣйствовалъ истребленію моа (*Aepyornis*), этой крупнѣйшей птицы, жившей на Мадагаскарѣ. Человѣкъ истребилъ додо на островѣ святого Маврікія и *Rytina stelleri*, мирное китообразное млекопитающее, жившее на берегахъ Алеутскихъ острововъ. Человѣкъ истребляетъ въ настоящее время нѣсколько видовъ вредныхъ хищниковъ, каковы волки и медвѣди, и, быть можетъ, не за горами то время, когда автомобили замѣнятъ повсюду лошадь, которая сдѣлается рѣдкимъ предметомъ роскоши.

Но, истребитель столько же видовъ животныхъ, человѣкъ достаточно обезпечилъ сохраненіе человѣческаго рода. Успѣхи, достигнутые цивилизаціей, въ значительной мѣрѣ уменьшили смертность. Ежегодно множество дѣтей ранняго возраста выживаютъ, благодаря гигиеническимъ мѣрамъ и лѣченію дѣтскихъ болѣзней. Уменьшеніе войнъ и убійствъ въ цивилизованныхъ странахъ съ своей стороны содѣйствуетъ поддержанію человѣчества. Положеніе, занятое человѣкомъ въ природѣ, скорѣе должно вызвать опасеніе, какъ бы люди не размножились чересчуръ обильно, и хотя теорія *Маллуса* и не подтвердилась во всѣхъ своихъ частяхъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что человѣкъ можетъ слишкомъ густо заселить земной шаръ. Нѣкоторыя явленія заставляютъ думать, что, по мѣрѣ того какъ человѣчество ограничитъ пролитіе крови, оно замѣнитъ его истребленіемъ другой жидкости, — той, которая служитъ для размноженія.

Задача сохраненія человѣческаго рода, будучи рѣшенной, естественно поставить на первый планъ вопросъ объ индивидуумѣ. Въ этомъ отношеніи данныя біологіи могутъ представить немалую пользу.

Человѣкъ не единственное общественное существо на землѣ. Значительно ранѣе его появленія уже существовали организмы, соединенные въ общества. На поверхности морей плавали изящныя колоніи сифонофоръ; въ глубинѣ океана жили безконечно разнообразныя колоніи полиповъ, а на сухонутѣ копошились міриады насѣкомыхъ, между которыми нѣкоторыя были уже соединены въ высоко-организованныя общества.

Такая общественная жизнь развилась безъ малѣйшаго внѣшняго содѣйствія, безъ малѣйшаго свода законовъ, который регулировалъ бы поведеніе особей, соединившихся ради общей цѣли.

Интересно бросить общій взглядъ на основные принципы по-

добныхъ обществъ. Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю намѣреніе привлечь вниманіе лишь къ одной изъ основныхъ чертъ животныхъ обществъ, именно къ отношенію между особою и обществомъ.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что именно этотъ вопросъ представляется однимъ изъ наиболѣе трудныхъ въ устроеніи человѣческихъ обществъ. Поскольку общество въ правѣ нарушать интересы индивидуума и въ какой мѣрѣ послѣдній можетъ сохранить свою цѣлостность и независимость? Нѣтъ надобности напоминать здѣсь безконечныя пренія на эту тему, ни распространяться о теоріяхъ, проповѣдующихъ, что человѣкъ долженъ быть болѣе или менѣе принесенъ въ жертву для блага общества, къ которому онъ принадлежитъ. Мы займемся пока судьбой индивидуума въ обществахъ существъ, неизмѣримо менѣе сложныхъ, чѣмъ человѣкъ.

Даже среди самыхъ низко стоящихъ организмовъ, занимающихъ промежуточное звено между растеніями и животными, немало примѣровъ обществъ, состоящихъ изъ соединенія большого количества особей.

Въ лѣсахъ, на опавшихъ листьяхъ, смоченныхъ влагой, на гниломъ деревѣ попадаются очень оригинальные организмы, напоминающіе больше всего нѣкоторые грибы. Это миксомицеты, мѣшочки, наполненные множествомъ шаровидныхъ тѣлецъ, или споръ, микроскопической величины. Когда эти споры увлажняются росой или дождемъ, изъ нихъ выплываютъ крошечныя живыя существа, снабженныя двигательной рѣсничкой, при помощи которой они могутъ очень быстро плавать. Эти организмы рождаются сразу въ большомъ числѣ, наполняя собою капельку воды, сохранившейся на опавшемъ листѣ или на кусочкѣ гнилого дерева (рис. 21). Но независимое существованіе ихъ очень непродолжительно. Соприкасаясь другъ съ другомъ, ихъ тѣла сливаются въ студенистую массу, достигающую нерѣдко большихъ размѣровъ (рис. 22). Вслѣдствіе такого сліянія получается то, что называется *пласмодіемъ*, т.-е. скопленіе живого вещества. Оно способно медленно передвигаться на поверхности листьевъ и дерева и представляетъ внутри потока, напоминающіе жидкую лаву, выброшенную изъ вулкана.

Эти пласмодіи представляютъ общества, для образованія которыхъ индивидуальность составляющихъ ихъ особей была цѣликомъ утрачена. Идеаль, проповѣдуемый нѣкоторыми философами, состоя-

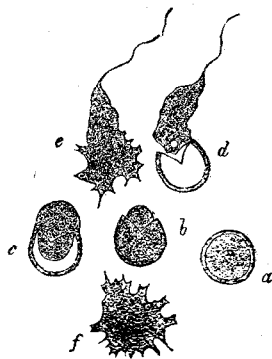

Рис. 21. — Особи миксомицетовъ въ изолированномъ состояніи (по Цопфу); а—спора, б—с—выдѣленіе зооспоръ.

пцій въ принесеніи человѣкомъ своей индивидуальности въ жертву обществу и въ полномъ сліянніи съ нимъ, былъ уже осуществлень на противоположномъ полюсѣ дѣстности существъ въ эпоху, значительно болѣе раннюю появленія человѣка на землѣ.

Въ животномъ мірѣ, даже у самыхъ низшихъ его представителей, мы уже не встрѣчаемъ обществъ, члены которыхъ были бы

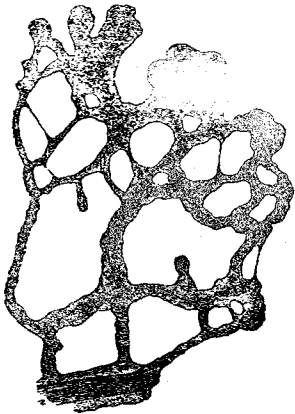

Рис. 22.—Миксомицеты, соединенные въ плазмодій (по Цопфу).

такъ всецѣло поглощены на пользу общую. И индивидуальность сохраняется у нихъ въ болѣе или меньшей степени. Возьмемъ, напри- мѣръ, полиповъ, этихъ безпозвоночныхъ, кото- рые иногда скопляются въ такомъ количествѣ, что образуютъ коралловые рифы, способные превратиться въ настоящіе острова. Эти жи- вотныя соединяются въ большія общества, члены которыхъ не могутъ вести независимой индиви- дуальной жизни. Соединенные другъ съ дру- гомъ живыми частями тѣла, полипы напоми- наютъ двойныхъ уродовъ, въ родѣ маленькихъ индусокъ Доодика и Радика, о которыхъ много писали въ газетахъ нѣсколько лѣтъ назадъ по поводу операціи, сдѣланной имъ *Дойеномъ*. Брюшныя полости обѣихъ дѣвочекъ сообщались

между собою, и ихъ кровеносные сосуды были соединены такимъ образомъ, что кровь Доодики поступала въ организмъ Радика и наоборотъ. Въ другомъ случаѣ двойного уродства, у чешскихъ дѣ- вушекъ Розы и Юзефы, нынѣ живущихъ, толстыя кишки сообщались при входѣ въ общую прямую кишку. Ихъ брюшныя полости тоже сообщаются, и у нихъ существуетъ лишь одинъ мочепуска- тельный каналъ.

У полиповъ соединеніе между особями, составляющими коло- нію, почти всегда гораздо болѣе полно. Каждый членъ подобной колоніи обладаетъ собственнымъ ртомъ и желудкомъ, но многіе другіе органы до того перемѣшаны, что ихъ нельзя приурочить къ той или другой особи. Это—органы, принадлежащіе цѣлой колоніи.

Еще болѣе замѣчательный примѣръ потери индивидуальности представляютъ намъ плавающіе полипы, или сифонофоры. Это очень красивыя прозрачныя существа, иногда очень значительныхъ раз- мѣровъ; нѣкоторыя нерѣдко въ большихъ количествахъ плаваютъ на поверхности моря. Большею частью онѣ являются въ видѣ длин- ныхъ нитей, снабженныхъ множествомъ щупалецъ, желудковъ и плавательныхъ колоколовъ (рис. 23). Не подлежитъ сомнѣнію, что сифонофоры представляютъ одинъ изъ типичнѣйшихъ примѣровъ

колоніальныхъ животныхъ. Затрудненіе встрѣчается только въ опредѣленіи того, соотвѣтствуетъ ли каждая часть колоніи, каждый плавательный колоколъ, каждый желудокъ и проч. цѣлой особи

Рис. 23. — Цѣлая сифонофора (по Куну); *pn* — воздушная камера; *slh* — плавательные колокола; *stl* — стержень.

или отдѣльному органу. Зоологи придерживаются на этотъ счетъ различныхъ взглядовъ. По мнѣнію однихъ, общественная жизнь, въ силу крайняго раздѣленія труда между особями, низвела послѣднія на степень простого органа. Въ то время какъ однѣ особи превратились въ желудки, свободно висящіе на центральной нити, другія потеряли всѣ органы, кромѣ двигательнаго, сдѣлавшагося плавательнымъ колоколомъ колоніи. Другіе зоологи, въ томъ числѣ и я, думаю, что сифонофоры представляютъ собою колонію органовъ, въ которой не существуетъ почти вовсе отдѣльныхъ особей. Плавающая цѣпь сифонофоръ, по этой теоріи, соотвѣтствуетъ множеству органовъ, каковы плавательные колокола, шупальцы, желудки и проч., соединенныхъ на общемъ стволѣ. Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь въ разборъ этихъ противорѣчивыхъ взглядовъ, такъ какъ главный фактъ, который насъ теперь интересуетъ, состоитъ въ томъ, что, несмотря на ничтожную

степень индивидуальности у сифонофоръ, она никогда не уничтожается вполне, подобно тому, какъ мы это видѣли у миксомицетъ.

Для того, чтобы еще болѣе подкрѣпить этотъ выводъ, я обращаю вниманіе читателя на маленькихъ сифонофоръ, подъ именемъ *Eudoxia* (рис. 24). Эти существа представляютъ собою отдѣлившіеся отъ общаго ствола отпрыски, свободно плавающіе въ морѣ и обладающіе замѣчательнымъ устройствомъ. Подвижность эудоксей обуславливается плавательнымъ колоколомъ, снабженнымъ сильными мускулами. Этотъ органъ составляетъ часть особи, снабженной органами размноженія, но совершенно лишенной средствъ для добыванія и пищеваренія пищи. Эти два послѣднія отправленія совершаются, наоборотъ, другою особью, тѣсно связанною съ первой. Эта питающая особь обладаетъ длиннымъ арканомъ, служащимъ для захватыванія добычи, и, кромѣ того, большимъ желудкомъ, переваривающимъ пищу. Вещества, получающіяся вслѣдствіе этого процесса, переносятся посредствомъ сосудовъ въ размножаю-

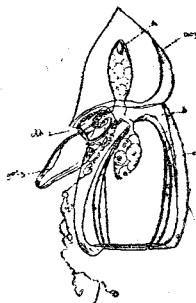

Рис. 24. — *Eudoxia* (по Куну).

щуюся и двигающуюся особь, которая пользуется готовой питательной жидкостью. Эудоксия представляет намъ, такимъ образомъ, двойное существо, состоящее изъ одной неполной особи, неспособной къ передвиженію и размноженію, но зато обезпечивающей питаніе, и изъ другой тоже неполной особи, обезпечивающей передвиженіе и размноженіе. Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ сообщество, напоминающее слѣпного и хромого въ знаменитой баснѣ *Флоріана*.

Рис. 25.—Колонія ботриллусовъ. О—ротъ, А—общая клоака.

Разсмотрѣнные нами примѣры общественнаго устройства животныхъ показываютъ, что прогрессъ въ немъ несовмѣстимъ съ полной потерей индивидуальности. Чѣмъ болѣе мы будемъ подниматься по лѣстницѣ существъ, тѣмъ болѣе увидимъ подтвержденій этого правила. Такъ, на примѣръ, у сложныхъ асцидій всѣ члены колоній сохраняютъ органы, необходимые для ихъ жизни. Ботриллусы, одни изъ наиболѣе интересныхъ представителей этой группы, образуютъ колоніи въ видѣ звѣзды (рис. 25). Особи, соединяющіяся въ сообщество, расположены вокругъ общаго центра, занятаго клоакой. Каждый членъ колоніи обладаетъ своимъ ртомъ и вполне развитымъ кишечнымъ каналомъ; но конечная часть послѣдняго открывается въ общую клоаку, получающую и выбрасывающую негодные остатки отъ пищеваренія у всѣхъ особей. Всего оказывается только одно отверстіе для опорожненія нечистотъ, подобно тому, какъ у вышеупомянутыхъ Розы и Юзефы.

II.

Общественная жизнь у насѣкомыхъ.—Развитіе и сохраненіе индивидуальности у этихъ животныхъ.—Раздѣленіе труда и принесеніе въ жертву индивидуальности у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ.

До сихъ поръ мы изучали общества животныхъ, члены которыхъ были соединены другъ съ другомъ болѣе или менѣе развитой механической связью. Міръ насѣкомыхъ довольно богатъ представителями, которые живутъ благоустроенными обществами. Но строеніе насѣкомыхъ уже слишкомъ сложно, чтобы допустить органическую связь между отдѣльными особями.

Въ началѣ развитія общественной жизни у нѣкоторыхъ видовъ пчель особи, вполне развитыя и во всемъ сходныя между собою, соединяются въ общества ради обезпеченія своего индивидуальнаго

существованія. Въ однихъ случаяхъ онѣ соединяются для изгнанія общаго врага, въ другихъ онѣ скопляются вмѣстѣ съ цѣлью обогрѣться во время холодовъ. Въ такихъ первобытныхъ общинахъ еще вовсе нѣтъ рѣчи объ общественномъ выкармливаніи молодежи. Только на дальнѣйшихъ ступеняхъ общественного устройства, какое мы встрѣчаемъ у домашнихъ пчелъ, у нѣкоторыхъ осъ, а также у муравьевъ и у термитовъ, центромъ тяжести общественной жизни является забота о воспитаніи молодого поколѣнія. Но при этомъ усиленное развитіе общественности совершается въ ущербъ интересамъ и цѣлостности особей, живущихъ совмѣстной жизнью. Въ этихъ случаяхъ происходитъ очень значительное раздѣленіе труда, которое низводитъ самку до степени машины для кладки яицъ. У домашнихъ пчелъ царица, выполняющая это отправленіе, становится неспособной печься о благѣ общины, такъ какъ ея умственные способности очень слабо развиты. Заключенная въ ульѣ, она пользуется необыкновенно тщательнымъ уходомъ со стороны работницъ, которыя дѣлаютъ это въ расчетъ на поддержаніе вида. Даже во времена голодовки работницы, принося въ жертву свою собственную жизнь, отдаютъ послѣдніе остатки пищи царицѣ, которая умираетъ позже всѣхъ. Трутни представляютъ собою не вполне развитыя существа, терпимыя лишь постольку, поскольку они полезны для общины; послѣ исполненія своей роли работницы ихъ безпощадно истребляютъ.

Работницы, столь много трудящіяся для блага общества, суть лишь не вполне развитыя особи. Одаренныя очень развитымъ мозгомъ и снабженныя очень совершенными органами для производства воска и для собиранія пищи, работницы обладаютъ лишь зачаточными половыми органами, неспособными къ нормальному отправленію.

Мы здѣсь снова встрѣчаемся съ потерей индивидуальных признаковъ, которая тѣмъ значительнѣе, чѣмъ совершеннѣе общественное устройство насѣкомыхъ. У муравьевъ и у термитовъ, общественная жизнь которыхъ развилась совершенно независимо отъ пчелъ, мы встрѣчаемъ тѣ же основныя черты. И у нихъ высокая степень умственныхъ способностей и большое искусство въ исполненіи работъ составляютъ привилегію работницъ, лишенныхъ способности къ размноженію. Солдаты, обезпечивающіе цѣлость общины, обладаютъ сильными челюстями, но снабжены лишь зачаточными органами размноженія. Наоборотъ, самцы и самки, у которыхъ эти органы развиты въ высшей степени, неспособны ни къ какой работѣ, умственно крайне ограничены и представляютъ собою не что иное, какъ мѣшки, наполненные половыми продуктами.

Говоря о муравьях, мы должны обратить вниманіе читателя на медоносных особей, которыя встрѣчаются у тропических видовъ, живущихъ по преимуществу въ Мексикѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ насекомыхъ насасываются по временамъ такимъ количествомъ меда, что все тѣло ихъ обращается въ мѣшокъ, наполненный этой сладостью. Лапки теряютъ способность двигать разбухшее тѣло; поэтому медоносные муравьи остаются неподвижными въ глубинѣ муравейника. При такихъ условіяхъ нормальное существованіе этихъ насекомыхъ становится невозможнымъ, что сокращаетъ ихъ жизнь на пользу общины. Какъ только обыкновенныя работницы, самцы или самки, начинаютъ чувствовать голодъ, онѣ подходятъ къ медоноснымъ особямъ и высасываютъ изъ ихъ рта готовую питательную пищу.

Такимъ образомъ, эти медоносныя работницы (рис. 26) изводятся на степень живыхъ горшковъ, наполненныхъ медомъ.

Рис. 26. — Медоносный муравей (по Врему).

Термиты принадлежатъ къ отряду насекомыхъ, совершенно отличному отъ того, куда относятся пчелы и муравьи. Тѣмъ не менѣе мы и у нихъ встрѣчаемся съ тѣмъ же общимъ принципомъ, который состоитъ въ принесеніи въ жертву индивидуума въ пользу государства. Самки превраща-

ются въ неуклюжіе мѣшки, наполненные громаднымъ количествомъ яицъ. Не будучи въ состояніи двигаться, онѣ остаются замурованными въ подземныхъ галлереяхъ, гдѣ онѣ несутъ до 80.000 яицъ въ день. Солдаты обладаютъ до того огромными челюстями, что имъ остается лишь одна роль — сраженіе съ врагами.

Приведенные факты служатъ доказательствомъ того, что индивидуальность у общественныхъ насекомыхъ никогда не утрачивается въ такой степени, какъ у низшихъ животныхъ, о которыхъ шла рѣчь выше. Отсюда можно придти къ тому общему выводу, что усовершенствованіе организациі влечетъ за собою все большее и большее сохраненіе особи среди общины, въ которой она живетъ.

Интересно узнать, примѣнимъ ли этотъ законъ и къ человѣческому роду.

III.

Человѣческія общества. — Обособленіе группъ въ человѣческомъ родѣ. — Ученныя женщины. — Нравы пчелы *Halictus quadricinctus*. — Теорія коллективизма. — Критика Герберта Спенсера и Ницше. — Прогрессъ индивидуальности въ обществахъ высшихъ существъ.

У позвоночныхъ животныхъ общественная жизнь вообще слабо развита. Рыбы и птицы, соединяющіяся въ общества, далеко усту-

пають насѣкомымъ въ совершенствѣ общественнаго устройства. Прогрессъ послѣдняго не особенно замѣтенъ и въ классѣ млекопитающихъ, такъ что нужно возвыситься до человѣка, чтобы найти примѣръ высоко организованной общественности. Человѣкъ оказывается первымъ представителемъ млекопитающихъ съ значительно усовершенствованной общественной жизнью. Но тогда какъ насѣкомыя руководятся въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ природными и высоко развитыми инстинктами, у человѣка такіа инстинктивныя дѣйствія играютъ лишь очень второстепенную роль. Индивидуальное чувство, то-есть эгоизмъ, очень могущественно въ человѣческомъ родѣ, и это объясняется, вѣроятно, тѣмъ фактомъ, что наши отдаленные предки еще не вели общественной жизни.

Человѣкообразныя обезьяны соединяются семьями или небольшими группами безъ сколько-нибудь правильнаго общественнаго устройства. Любовь ближняго, или альтруизмъ, является у человѣка относительно недавнимъ приобрѣтеніемъ и нерѣдко развита лишь въ слабой степени.

Несмотря на высокую степень общественнаго устройства и на далеко зашедшее распредѣленіе труда, въ человѣчествѣ не наблюдается никакого обособленія индивидуумовъ, подобнаго тому, которое такъ обычно у общественныхъ насѣкомыхъ. Между тѣмъ какъ у животныхъ столь различныхъ, какъ сифонофоры, пчелы, муравьи и термиты, общественная жизнь привела, независимыми путями, къ атрофіи органовъ размноженія у многихъ особей, у человѣка мы не находимъ ничего подобнаго.

Хотя въ организаціи половыхъ органовъ у мужчины и женщины и встрѣчаются нерѣдко нѣкоторыя отступленія отъ нормальнаго типа, тѣмъ не менѣе эти аномаліи далеко не могутъ быть поставлены въ рядъ съ развитіемъ бесполоыхъ особей у насѣкомыхъ. Предположеніе, что обязательное безбрачіе, вмѣняемое нѣкоторыми религіями духовенству, составляетъ первый шагъ на пути обособленія, подобнаго рабочимъ пчеламъ, не можетъ выдержать критики. Во всякомъ случаѣ этому явленію нельзя придавать большого значенія, такъ какъ, вмѣсто того чтобы распространяться, обязательное безбрачіе, напротивъ, замѣтно уменьшается.

Въ послѣднее время въ Европѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ обнаружилось значительное такъ называемое феминистское движеніе, при чемъ многія женщины устремились къ усвоенію высшаго образованія и стали дѣлаться врачами и адвокатами. Число особъ женскаго пола, изучающихъ университетскую науку, стало все болѣе и болѣе увеличиваться, такъ что страны, закрывавшія раньше доступъ женщинамъ въ университеты,

какъ Германія, должны были въ концѣ-концовъ уступить подъ давленіемъ массы желающихъ учиться.

Можно ли на это движеніе смотрѣть, какъ на первые шаги къ обособленію безполыхъ индивидуумовъ, подобныхъ работницамъ общественныхъ насѣкомыхъ? Когда-то я думалъ, что это предположеніе соответствуетъ дѣйствительности, но впослѣдствіи, ближе ознакомившись съ вопросомъ, я пришелъ къ противоположному заключенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія дѣвушки, по какой-нибудь причинѣ отказавшіяся отъ намѣренія выйти замужъ, посвящаютъ себя высшему образованію. Но въ этихъ случаяхъ безбрачіе является не результатомъ усиленной умственной дѣятельности, а, наоборотъ, составляетъ причину ея. Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что многія дѣвушки, учащіяся въ университетахъ, кончаютъ тѣмъ, что выходятъ замужъ. Я зналъ первыхъ піонерокъ феминистскаго движенія въ Россіи въ шестидесятыхъ годахъ, и онѣ всѣ сочетались бракомъ, а нѣкоторыя сдѣлались матерями. Обзаведясь семьей, не малое число ихъ бросило медицину. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ о прежнихъ женскихъ медицинскихъ курсахъ въ Петербургѣ, изъ 1091 ученицы 80 поступили, уже будучи замужемъ, 19 были вдовы, а 992 незамужнія. Изъ числа этихъ послѣднихъ 436, т.-е. приблизительно 44%, вышли замужъ еще ранѣе окончанія курса. Многія изъ дѣвицъ, явившихся изучать бактериологію въ Пастеровскомъ институтѣ, на нашихъ глазахъ повыходили замужъ.

Ближайшее наблюденіе феминистскаго движенія, продолжающагося уже около полустолѣтія, показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно вовсе не стремится къ образованію особей, подобныхъ безплоднымъ работницамъ насѣкомыхъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ быть рѣчь объ отвращеніи дѣвушекъ отъ физическаго супружества, у нихъ замѣчается достаточное проявленіе материнскаго инстинкта. Большая часть ученыхъ женщинъ обнаруживаетъ несомнѣнную склонность къ супружеству и къ семейной жизни вообще. Даже женщины, наиболѣе отличившіяся какъ ученые, не составляютъ исключенія изъ этого правила. Знаменитая г-жа *Кюри* — мать двухъ дѣтей. Столь прославившаяся въ математикѣ *Софья Васильевна Ковалевская* особенно интересна съ точки зрѣнія вопроса, которому посвящены эти строки. Я лично былъ съ нею довольно близко знакомъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, начиная отъ времени ея фиктивного брака и до послѣднихъ недѣль ея жизни. Въ молодости, когда она такъ увлекалась математикой и театромъ и когда она сама была очень увлекательна, любовная сторона жизни была ей совершенно чужда. Но она рано

утратила физическую красоту и начала преждевременно старѣться. Какъ разъ около этого времени проявилась у нея сильная потребность любви. Она дѣлала все, что могла, чтобы остановить наступившую старость. Сообщенія *Броунъ-Секара* о восстановленіи силъ посредствомъ вытяжки изъ мужскихъ половыхъ органовъ крайне заинтересовали ее, и она серьезно спрашивала, можно ли рассчитывать на это средство. Жертва дисгармоніи человѣческой природы, она чувствовала себя очень несчастной, и въ день присужденія ей преміи парижской академіей наукъ она писала одному изъ друзей: «Со всѣхъ сторонъ я получаю поздравительныя письма, но въ силу непонятной ироніи судьбы я еще никогда не чувствовала себя столь несчастной». Причину этого недовольства она выразила въ словахъ, обращенныхъ къ ея лучшему другу: «Отчего, отчего никто не можетъ меня полюбить? — повторяла она. — Я бы могла дать больше, чѣмъ большинство женщинъ, а между тѣмъ самыя ничтожныя женщины любимы, тогда какъ меня никто не любитъ» ¹⁾. *С. В. Ковалевская*, какъ извѣстно, была матерью.

Въ результатъ всего сказаннаго оказывается невозможнымъ усмотрѣть въ безбрачій духовенства и нѣкоторыхъ лицъ, посвятившихъ себя высшему знанію, начальную стадію организаціи, подобной рабочимъ пчеламъ. Несмотря на это, однако же весьма вѣроятно, что въ человѣческомъ родѣ происходитъ извѣстное обособленіе въ исполненіи нѣкоторыхъ существенныхъ отправленій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что устройство человѣческихъ обществъ не послѣдовало по тому пути, который у общественныхъ насѣкомыхъ привелъ къ образованію безполыхъ особей. Въ человѣчествѣ замѣчается скорѣе другое направленіе, свойственное лишь нѣкоторымъ исключеніямъ въ животномъ мірѣ. Одиночная пчела, извѣстная подъ именемъ *Halictus quadricinctus* (рис. 27), отличается тѣмъ, что самка послѣ кладки послѣднихъ яицъ не умираетъ, какъ это обычно совершается у насѣкомыхъ, а продолжаетъ жить и ухаживать за потомствомъ. Такъ какъ этотъ старческій періодъ жизни продолжается у нея недолго, то маленькая пчела не можетъ постоянно служить воспитательницей въ обществѣ насѣкомыхъ, организованномъ на принципѣ обособленія старыхъ самокъ. Въ человѣческомъ же родѣ, гдѣ индивидуальная жизнь несравненно дольше, раздѣленіе труда можетъ совершиться по образцу *Halictus quadricinctus*.

Женщина обыкновенно становится безплодной между сорока и

Рис. 27.—*Halictus quadricinctus*.

¹⁾ Souvenirs d'enfance de S. Kowalevsky, 1895 г., стр. 301 — 311.

пятидесятью годами, то-есть въ такую пору, когда ей, на основаніи статистическихъ данныхъ, остается жить еще въ среднемъ двадцать лѣтъ. Въ продолженіе этого длиннаго періода она можетъ выполнить въ высшей степени полезную роль въ обществѣ. Эта роль должна походить на ту, которую исполняютъ старыя самки *Halictus quadricinctus*, и состоятъ въ воспитаніи и обученіи дѣтей. Кому не извѣстна неоцѣненная преданность бабушекъ и вообще старухъ, посвящающихъ себя заботамъ о внукахъ? Притомъ же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ настоящее время старость наступаетъ черезчуръ рано, что она далеко не есть то, чѣмъ она должна быть при нормальныхъ условіяхъ, и что человѣческая жизнь вообще черезчуръ кратковременна сравнительно съ идеальной продолжительнаго нашего существованія. Возможно предвидѣть, что когда наука займетъ въ человѣческомъ обществѣ ту преобладающую роль, на которую она имѣетъ право, и когда гигиеническія познанія достигнутъ большаго совершенства, долголѣтность людей сдѣлается болѣе значительной и роль стариковъ и старухъ получить гораздо большее значеніе.

Члены человѣческаго общества не могутъ быть подраздѣляемы на половыя особи и на безполыя, какъ у насѣкомыхъ. Но дѣятельная жизнь каждаго индивидуума должна быть раздѣлена на два періода: на періодъ размноженія и на періодъ бесплодный, при чемъ послѣдній долженъ быть посвященъ труду, полезному для общества. Главное отличіе между обществами животныхъ и людей сводится къ тому, что особи, входящія въ составъ обществъ животныхъ, неполны, тогда какъ въ человѣчествѣ индивидуумъ достигаетъ высшей степени полноты.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ выводу, что чѣмъ выше организовано общественное существо, тѣмъ болѣе выражена въ немъ индивидуальность. Отсюда легко заключить, что изъ числа теорій, предлагающихъ упорядочить общественную жизнь, всего болѣе заслуживаютъ вниманія тѣ, которыя оставляютъ достаточно свободное поле дѣйствія для развитія индивидуальнаго почина. Идеалъ, который такъ часто проповѣдуютъ и по которому индивидуумъ долженъ быть елико возможно приносимъ въ жертву обществу, не соответствуетъ общему закону общественныхъ организмовъ. Могутъ существовать особые условія въ общественной жизни, когда неизбежно большое количество жертвъ, но эти условія нельзя считать ни постоянными, ни всеобщими, ни нормальными. Въ военное время требуется много врачей и сестеръ милосердія, но въ мирное время число ихъ можетъ быть ограничено. Возможно предвидѣть, что по мѣрѣ того, какъ человѣчество усовершенствуется общественную

жизнь, случаи, въ которыхъ понадобится приносить въ жертву отдѣльныя личности, станутъ все рѣже и рѣже.

Съ цѣлью побороть эгоизмъ, столь глубоко укоренившійся въ человѣческой природѣ, часто проповѣдуютъ отреченіе отъ личнаго счастья и необходимость подчинить его общему благу. Очень нерѣдко проповѣдь эта остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но иногда она приноситъ плоды и притомъ въ такой степени, что люди, въ особенности молодыя женщины, охотно приносятъ въ жертву собственное благополучіе и даже жизнь ради идеала, который, по ихъ мнѣнію, долженъ повести къ общему благу.

Очень неравномѣрное распредѣленіе благъ на землѣ вызвало разныя ученія, стремящіяся устранить такую несправедливость. Уже болѣе ста лѣтъ различныя социалистическія теоріи стараются благоудѣлствовать все человѣчество. Дѣйствуя воедино, пока дѣло идетъ о критикѣ существующихъ условій, онѣ слѣдуютъ по различнымъ путямъ съ той минуты, когда заходитъ рѣчь объ установленіи правилъ для новаго общества. При такихъ условіяхъ даже самый смыслъ слова «соціализмъ» получилъ столь различныя толкованія, что имъ почти невозможно пользоваться. Несмотря на то, что многія изъ теорій коллективизма перестали отстаивать свои прежнія крайности, онѣ все же еще далеки отъ признанія достаточной независимости личности, живущей въ обществѣ. Во время собраний и конгрессовъ социалистовъ еще часто принимаются рѣшенія, громко провозглашающія принесеніе въ жертву обществу правъ личности. Нѣкоторыя партіи запрещаютъ своимъ членамъ сотрудничать въ журналахъ, кромѣ тѣхъ, которые служатъ выразителями мнѣній партій, а также участвовать въ правительствѣ, на которое наложенъ запретъ. Во время стачекъ, устраиваемыхъ социалистами, строго воспрещается работать тѣмъ, кто имѣетъ самое большое желаніе трудиться. Недавно бывали случаи, что типографщики отказывались печатать газеты, не раздѣляющія ихъ мнѣній, и даже были примѣры врачей, отказывавшихъ въ подачѣ помощи ихъ политическимъ противникамъ.

Неоднократно по адресу коллективистовъ раздавались упреки въ томъ, что они слишкомъ попираютъ свободу личности. Защищаясь, они говорятъ, что «въ будущемъ социаль-демократическомъ обществѣ не будетъ и рѣчи о тиранинѣ или о какомъ бы то ни было подавленіи. Тайна единенія индивидуумовъ заключается въ ихъ дисциплинѣ, которая, однако же, должна быть понимаема не какъ безжизненное послушаніе въ войскахъ, а только какъ подчиненіе личности общинѣ, когда это требуется для общаго блага» ¹⁾.

¹⁾ W. Herzberg. „Sozialdemokratie u. Anarchismus“. 1906 г., стр. 17.

Но именно эта дисциплина и это подчинение заходят часто так далеко, что индивидуальное самосознание чувствует себя глубоко уязвленным. Въ виду этого среди коллективистов образовалась партия, которая не допускает поглощения личности обществом. Это — группа анархистов, которая, стремясь къ свободѣ личности, доходит нерѣдко до покушения на свободу, имущество и даже жизнь людей. Болѣе сорока лѣтъ назадъ я былъ близокъ съ *Бакунинымъ*, жилъ съ нимъ и былъ свидѣтелемъ его начинаній въ дѣлѣ анархизма. При огромной энергіи и очень недюжинномъ умѣ учение его сводилось, главнымъ образомъ, на расчистку поля для будущей дѣятельности, т.-е. на полное разрушеніе существующаго общественнаго строя. Несмотря на мою тогдашнюю молодость и на то, что одинъ изъ моихъ старшихъ братьевъ очень увлекался *Бакунинымъ*, мнѣ было совершенно ясно, что теоріи этой титанической личности не содержатъ въ себѣ ни единого зерна, способнаго дѣйствительно улучшить человѣческое общежитіе. Позже я часто бесѣдовалъ съ *Элизе Реклю*, этимъ добрейшимъ теоретикомъ и идеальнѣйшимъ человѣкомъ. Но и его проповѣдь анархизма не могла поколебать моего отрицательнаго отношенія къ послѣднему. Сколько я могу судить, теорія эта имѣетъ мало приверженцевъ, и притомъ исключительно среди людей, не одаренныхъ государственной мудростью.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что въ теченіе болѣе столѣтія задача искорененія бѣдности стоитъ на очереди, и среди теорій коллективизма произошелъ значительный поворотъ въ направленіи къ умѣренности. Въ то время какъ прежде проповѣдывалось полное упраздненіе частной собственности и учрежденіе фаланстеровъ для совмѣстной жизни, теперь требуютъ социализаціи средствъ производства, но уже допускаютъ частную собственность жилищъ и всего, что касается потребления.

Каутскій, одинъ изъ болѣе видныхъ представителей ортодоксальной социаль-демократіи, признаетъ, что социализація земли «ничуть не обязываетъ упраздненія частной собственности на жилища. Обычное соединеніе жилища съ сельскохозяйственной обработкой исчезнетъ, но не будетъ никакой надобности обращать жилище земледѣльца въ общественную собственность». «Современный социализмъ не исключаетъ личной собственности на предметы потребления. Изъ всѣхъ способовъ пользоваться человѣческой жизнью и ея удовольствіями одинъ изъ самыхъ главныхъ, если даже не самый главный, состоитъ въ обладаніи собственнымъ жилищемъ. Общественная собственность на землю никоимъ образомъ не исключаетъ его». Но разъ позволяется имѣть отдѣльный домъ, то трудно

не разрѣшить имѣть при немъ небольшой садъ, особенно въ виду того, что коллективисты принимаютъ въ расчетъ требованіе пользованія жизнью. Домъ или квартира могутъ оказаться обширнѣе, чѣмъ требуется (напр., вслѣдствіе отсутствія дѣтей или смерти кого-либо изъ домочадцевъ), а садъ можетъ служить мѣстомъ для проявленія личнаго почина и для усовершенствованія способовъ культуры садовыхъ растений. Вотъ уже два элемента, изъ которыхъ можетъ развиваться частное пользованіе. Лишнія комнаты могутъ быть уступлены за трудъ жилья, а усовершенствованные садовые продукты промѣнены или проданы за что-либо соотвѣтственное.

Уступки, которыя оказались вынужденными со стороны коллективизма, показываютъ самымъ яснымъ образомъ всю важность частной собственности. Несмотря, однако же, на большую умѣренность коллективистовъ, многіе голоса раздаются въ видѣ протеста противъ социализаціи средствъ производства и противъ ограниченія личнаго почина, изъ нея вытекающаго. Знаменитый англійскій философъ *Гербертъ Спенсеръ* ¹⁾, котораго никакъ нельзя обвинить въ узости взглядовъ и въ консерватизмѣ, съ большимъ жаромъ возсталъ противъ ученій коллективизма, стремящихся низвести человѣческую личность на степень однообразія и посредственности. Рядомъ очень убѣдительныхъ примѣровъ онъ показываетъ зло, которое возникаетъ въ результатѣ мѣръ, задуманныхъ съ самыми лучшими намѣреніями ради уравниванія состояній и устраненія бѣдности. Онъ предвидитъ рабство въ результатѣ слишкомъ сильнаго вмѣшательства государства въ такія отправленія, которыя должны выполняться частнымъ починомъ. Въ виду этого *Спенсеръ* полагаетъ, что учрежденіе коллективистскаго государства угрожаетъ большой опасностью.

Со свойственнымъ ему преувеличеніемъ *Ничше* ²⁾ критикуетъ социализмъ. «Социализмъ, — говоритъ онъ, — фанатическій младшій братъ деспотизма, уже почти вымершаго, отъ котораго онъ стремится получить наслѣдіе: его усилія, слѣдовательно, въ самомъ глубокомъ смыслѣ реакціонны. Социализмъ стремится къ столь полной власти государства, какой деспотизмъ никогда не обладалъ; онъ даже превосходитъ все, что существовало въ прошедшія времена, такъ какъ онъ работаетъ ради полнѣйшаго уничтоженія личности. Послѣдняя представляется ему непозволительной роскошью природы и должна быть исправлена превращеніемъ ея въ органъ,

¹⁾ The coming Slavery, въ The man versus the State, 1888 г., стр. 18.

²⁾ Menschliches, Allzumenschliches.

полезный для общины». И далѣе: «Соціализмъ можетъ служить глубоко поучительнымъ примѣромъ всей опасности отъ сосредоточенія власти государствомъ, и поэтому онъ долженъ внушить недоувѣріе къ самому государству. Когда его грубый голосъ примѣшается къ военному зову: какъ можно болѣе государства, то этотъ возгласъ сначала зазвучитъ необычайно рѣзко. Но вскорѣ послышится съ не меньшей силой противоположное требованіе: какъ можно меньше власти государства».

Весьма вѣроятно, что коллективизмъ всевозможныхъ отгѣнговъ окажется неспособнымъ согласовать рѣшеніе задачи общественной жизни съ сохраненіемъ достаточной полноты личности. Тѣмъ не менѣе успѣхи человѣческаго знанія должны будутъ привести къ большому уравниенію имуществъ сравнительно съ тѣмъ, что существуетъ нынѣ. Умственная культура повліяетъ на устраненіе множества ненужныхъ и даже вредныхъ вещей, которыя теперь признаются многими за совершенно необходимыя. Убѣжденіе, что наибольшее счастье состоитъ въ полномъ прохожденіи круга нормальной жизни и что эта цѣль можетъ быть достигнута жизнью скромной и умѣренной, устранить много роскоши, укорачивающей жизнь. Въ то время какъ болѣе состоятельные люди найдутъ полезнымъ упростить свой образъ жизни, бѣдняки смогутъ лучше устроить свое существованіе. Но все-таки въ результатъ этого прогресса не получится устраненія частной собственности, — ни благопріобрѣтенной, ни унаслѣдованной. Эволюція эта должна совершиться постепенно и потребуетъ множества усилій и новыхъ знаній. Въ этомъ отношеніи соціологія, едва народившаяся, должна будетъ черпать свѣдѣнія у своей старшей сестры, біологіи. Между тѣмъ эта послѣдняя учитъ, что параллельно съ прогрессомъ организациі самосознаніе личности развилось въ такой степени, что окажется невозможнымъ принести ее въ жертву на пользу общества. У низшихъ существъ, какъ миксомицеты и сифонофоры, особи сливаются вполне или большей частью съ общиной; но жертва эта не велика, такъ какъ у нихъ чувство индивидуальности вовсе не развито. Общественныя наѣкомыя представляютъ намъ промежуточное звено между низшими животными и человѣкомъ. Только у послѣдняго личность доходитъ до окончательнаго и полнаго самосознанія, и поэтому-то хорошее общественное устройство не должно приносить ее въ жертву для общаго блага. Къ этому главному выводу приводятъ изученіе общественнаго развитія живыхъ существъ.

Этотъ очеркъ ведетъ къ заключенію, что полное изученіе человѣческой личности должно составить необходимую ступень при обсужденіи плановъ устройства общественной жизни людей.